

Е.Ю. Кислякова

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград*

**КАТЕГОРИЯ ИНАКОСТИ В КОНЪЮКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ
(на материале русского языка)
THE CATEGORY OF ALTERITY IN CONJUNCTIVE CONSTRUCTIONS
(on the materials of Russian language)**

Ключевые слова: инакость, коммуникативная категория, имплицитные средства объективации, союзные (конъюнктивные) синтаксические конструкции

Keywords: alterity, communicative category, implicit means of expression, conjunctive constructions

Как было установлено в предыдущих работах (см., напр.: Кислякова, 2012б), категория **инакости** в русском языке носит в процессе коммуникации преимущественно имплицитный характер. Представляется полностью невозможным вычленить статистически точный набор лексико-грамматических средств объективации данной категории, как, например, это возможно в случае с языковыми категориями, такими, как время, залог и т. д. Тем не менее, с учетом стохастических особенностей языка, обнаруживается ряд лингвистических способов, которые в определенном контекстуальном окружении индуцируют семантический признак *иной* или один из его конкретизаторов, тем самым актуализируя в коммуникации категорию **инакости** посредством одного из ее параметров: единство – множественность (многообразие), тождественность – подобие, сходство – различие, нормативность – ненормативность, свойственность – чуждость, определенность – неопределенность, реальность – гипотетичность (возможность) (Кислякова, 2012а).

Инакость является эврисемичным категориальным понятием, под которым мы понимаем общенаучную категорию субъектно-субъектных и/или субъектно-объектных отношений в рамках оппозиции “Я – Другой”, реализуемых на следующих уровнях:

- 1) отдельного индивида (проблема идентичности);
- 2) диалога Я и Ты (проблема взаимопонимания);
- 3) социума (проблема множественности и вариативности нормы);
- 4) взаимодействия культур (проблема этнокультурных различий).

Несмотря на общенаучный характер исследуемой категории, она также имеет собственно лингвистический ракурс описания.

Лингвистическое исследование **инакости** позволяет установить ее репрезентированность в русском языке (более 200 единиц), что подтверждает категориальный статус исследуемого феномена, свидетельствует, что данная категория является значимой для процесса мышления, а также устойчивой в

ментальном аспекте, поскольку имеет “обширные языковые средства объективации” (Шаманова, 2008).

Проблемы описания семантики **инакости** в терминах синтаксиса в определенной степени связаны с многозначностью и условностью самого термина **инакость**, что с позиции лингвистической мериологии представляется как параметризация данной категории. Обозначенные выше параметры категории **инакости** являются базовыми эпистемами, на основе которых интерпретируются речевые примеры актуализации данной категории в различных коммуникативных ситуациях.

В результате анализа коммуникативных ситуаций, репрезентирующих категорию **инакости** (всего 72 художественных контекста), было выявлено, что на синтаксическом уровне она наиболее эксплицитно представлена в союзных оборотах, в частности, ирреально-условных предложениях с союзами *если; что, если*; в конструкциях с противительной семантикой с союзом *хотя*. Это объясняется возможностью переконструирования данных оборотов по следующей модели: *в ином / противном случае; иначе*. В результате такого перефразирования актуализируется такой параметр категории **инакости**, как *гипотетичность (потенциальность, альтернативность)*.

В ирреально-условных предложениях локализуется виртуальный (потенциальный) мир на уровне поверхностной структуры и реальный мир на уровне глубинной, выводимой структуры:

Если бы не было А, не было бы В – поверхностная структура;

(но А было, и поэтому было В) – глубинная структура.

Инакость в этом случае осознается на основе взаимодействия одного и другого – виртуальных и реальных миров, их конфликтного сосуществования в рамках одного высказывания, что иллюстрируется следующими примерами:

Пример 1. *Но если бы этого всего не было, то всё было бы по-другому, в смысле моя жизнь, это же понятно* (Е. Гришковец. *ОдноврЕмЕнно*).

Пример 2. *Боялся того, что вот, если бы немцы пришли, как в кино, и всех бы стали убивать, то я бы притворился мёртвым и ни за что бы не шлохнул, лежал бы, как мёртвый* (Е. Гришковец. *ОдноврЕмЕнно*).

Русская синтаксическая и типологическая традиция состоит в том, чтобы вычленить отдельные ирреально-условные предложения, которые в качестве глубинного, имплицитного содержания имеют причинно-следственный смысловой блок помимо основного условно-гипотетического значения (Рагозина, 2010). Установлено, что косвенное наклонение является по своей природе бифункциональным, и одна из функций его как раз и состоит в том, чтобы антитезно отображать каузально связанные события действительности, тем самым, создавая сложный смысловый комплекс контрфактического объяснения. Последнее противостоит обычному объяснению, выражаемому сложными предложениями с причинным придаточным (ср. в Примере 2: немцы не пришли, и мне не нужно было притворяться мертвым), и отличается от него тем, что оно сопряжено с

предсказанием, гипотезой о том, что могло бы быть, наряду с тем, что уже состоялось.

Принимая во внимание данное рассуждение, приходим к выводу, что обычное объяснение, выраженное индикативным предложением, является “одномирным”, так как в нем зафиксирован лишь реальный мир с его причиной и следствием. Контрфактическое же объяснение всегда “двумерно”, то есть всегда задается параллельная инакость, иное бытие, что с философской точки зрения объясняется иномерностью человеческого существования (Шичанина, 2011). На смысловом уровне коммуникант получает информацию в двойной упаковке – эксплицитной и имплицитной: эксплицирована информация о реальных причинах и результатах, латентно умозаключение о некоем воображаемом, виртуальном мире, контрадикторном реальному миру (нереализованные условие и следствие).

Актуализация категории **инакости** в русскоязычной коммуникации также происходит посредством включения такого ее параметра, как *единство-множественность*. Второй противочлен данного параметра предполагает наличие альтернативных сущностей, предметов, явлений. В частности, о множестве альтернатив дает представление разделительный союз *или*. Говорящий (субъект ситуации) знает или уверен, что какая-то альтернатива из множества имеет место в действительности, однако не знает, какая именно. Утверждения с союзом *или* предполагают возможность реализации ситуации одним или другим образом, что подтверждается семантикой данного союза: ‘1. союз Употребляется при соотнесении однородных членов предложения или предложений, по значению взаимоисключающих или заменяющих друг друга, указывая на **необходимость выбора между ними** (выделено нами – Е.К.)’ (Толковый словарь русского языка, 2000).

Пример 3: *Или погибнуть, или завоевать себе право устроить жизнь по правде – так был поставлен вопрос* (А. Н. Толстой. *Кровь народа*).

Лингвисты, занимающиеся проблемой союзной семантики в русском языке указывают на тот факт, что союзу *или* функционально близки и синонимичны союзы *а то / а не то*, хотя они семантически проще (Урысон, 2010).

Варьируемость, изменчивость как смысловые признаки **инакости** находят свою экспликацию посредством синтаксических способов описания чередующихся ситуаций, что может быть проиллюстрировано следующим контекстом:

Пример 4: *А то, сидя тогда в санях, он полдороги слушал рассказ деда Богатенка про его службу фурманом у пана, какой злой и нехороший был пан и какой славной была молодая пани* (В. Быков. *Болото*).

Особую семантику имеет союзное сочетание *а то все*, вводящее смысл «иной» (в ином случае).

Пример 5: *Перелетает только через реки и моря, а то все пешком* (А. П. Чехов. *Агафья*).

Пример 6: *Лишь изредка подобие леса, какой-нибудь Заказ, Дубровка, а то все поля, поля, беспредельный океан хлебов* (И. Бунин. *Жизнь Арсеньева*).

Приведенные примеры являются образцами художественной речи конца 19 – начала 20 веков, и иллюстрируемое в них союзное сочетание *а то* добавляет этим высказываниям колорит прошлого. В современном узусе данное союзное сочетание приобрело характер периферийной синтаксической единицы, что свидетельствует об изменении форм выражения категории **инакости** с течением времени. Такое заключение требует постановки проблемы о возможном сужении или расширении формальных средств объективации исследуемой категории, что требует дополнительного изучения в дальнейшей работе.

Грамматикализация **инакости** в синтаксических конструкциях, приведенных выше, обеспечивается указательной семантикой слова *то* как формы среднего рода именительного и винительного падежа местоимения *тот*, что объясняется наличием дейктической функции у категории **инакости**. Дейктическое слово *то* может само по себе помимо анафорического значения иметь значение параллельной с реальной ситуацией возможности другой альтернативы, что, в свою очередь, является одним из смысловых признаков, актуализирующих коммуникативную категорию **инакости**.

Пример 7: *Стареют книги... Нет, не переплет,*

Не тронутые плесенью страницы,

А то, что там, за буквами, живет

И никому уж больше не приснится.

(Вс. А. Рождественский. «*Стареют книги... Нет, не переплет...*»).

Следует отметить, что в современном русском языке в подобных контекстах все чаще встречается слово *это*. И *то*, и *тот* стилистически маркированы и как анафорические показатели уходят из языка, что еще раз указывает на лингвистическую проблему, связанную с соотношением формы и содержания категории **инакости**, о которой было сказано выше.

По мнению исследователей, занимающихся проблемами союзной семантики, в союзе *а то / а не то* антецедент *то* выступает двупланово: как реально имевшая место ситуация в определенный момент времени, и как возможность, которая не осуществляется в силу замены этой ситуации действием, выраженном в следующем за союзом сочиненном предложении (см., напр.: Арутюнова, 2008).

Пример 8: *Варенье съешьте первым, а то прокиснет, а конфеты с печеньем — потом* (О. Павлов. *Карагандинские девятины, или Повесть последних дней*). Исходя из жизненного опыта мы знаем, что варенье может прокиснуть при долгом хранении; при такой пресуппозиции *а то* трактуется как союз, предваряющий следствие. Условие, выраженное в сочиненном предложении (если конфеты с печеньем будут съедены потом), задает альтернативу действий, при которых варенье удастся съесть до того, как оно будет испорченным. В этом случае пропозиция союзного оборота *а то* “Если варенье будете есть после конфет и печенья, то оно прокиснет” позволяет

эксплицировать в приведенном примере категорию **инакость** через такой ее семантический признак, как *альтернативность*.

Как отмечает исследователь Е. В. Урысон (Урысон, 2010), союзы *a to / a не to* могут употребляться в модальном контексте угрозы. Для лингвистической теории **инакости** этот тезис является чрезвычайно важным, поскольку наличие мира Другого на языковом уровне часто манифестируется с помощью модальных средств (*может, должен, обязан, наверное* и т. д.).

Пример 9: *Ты должен встать раньше, а то ты опоздаешь.*

При экспликации смысла данного предложения выводится следующее условие: “Если ты встанешь раньше, то ты не опоздаешь”. Данное скрытое условие вводит в коммуникацию такой параметр категории **инакости** как *определенность – неопределенность*, поскольку реальный исход ситуации, вербализованной в данном контексте, неизвестен: возможно, ты опоздаешь, возможно, нет.

Таким образом, категория **инакости** имплицитна в союзных конструкциях *a to / a не to*, но именно благодаря ее скрытой реализации в семантической структуре таких конструкций выявляется фрагмент, объективирующий реальную цель речевого акта – это попытка воздействовать на адресата сообщения. Реальная цель формально противоположна реальной ситуации и выражает желание говорящего (я хочу, чтобы ты не опоздал). В рамках взаимодействия “Я – Другой” категория **инакости** в имплицатуре смысла высказывания вводит противоречие между интенцией говорящего и действием слушающего. При этом цель речевого акта предполагает субъективную пресуппозицию (возможно, ты не встанешь раньше).

Кроме этого, категория **инакости** обнаруживается в конструкциях с уступительными союзами *хотя; хоть; несмотря на то, что*. В лингвистической литературе доказано, что союз *хотя* может приобретать противительное значение, близкое по своей семантике союзу *но* (Урысон, 2002б).

Пример 10: *Кучер, урядник и Алешка из всех сил прикидывались спокойными, хотя душа каждого из них горячо молила бога, чтобы Захар упал замертво* (И. А. Бунин. *Захар Воробьев*).

Конструкция с союзом *хотя* в его противительном значении (союз *хотя* в значении уступки нами не квалифицируется как средство реализации категории **инакости**) обладает лингвопрагматическим эффектом обманутого ожидания, поскольку содержит имплицитное знание о том, что обычно ситуация складывается прямо противоположно.

Пример 11: *И, как любимая женщина всегда в тебе и с тобой, так и дом оставался бы всегда в нём и с ним, как к любимой женщине возвращаешься с хрустально-хрупкой звенящей и дрожащей радостью, так и он нетерпеливо возвращался бы к дому из дальних странствий, хотя, по правде сказать, Алексей Тихонович никуда никогда не ездил, будучи по профессии оператором станков с ЧПУ, то есть Числовым Программным Управлением* (А. Слаповский. *Не сбылась моя мечта*).

Синтаксис **инакости** на примере русскоязычных союзных конструкций не является в строгом смысле слова формальным, поскольку семантика *ино* в таких оборотах латентна и обнаруживается на уровне абстрактных пресуппозиций, под которыми, вслед за Е. В. Падучевой, мы понимаем семантический компонент Р суждения S, если ложность Р в некоторой ситуации делает утверждение S в этой ситуации неуместным, аномальным, бессмысленным (Падучева, 1985: 53).

Исследователь В.З. Санников обратил внимание на “жизненные закономерности”, которые лежат в основе общего для говорящих представления о нормальном, обычном порядке вещей. Это “общие принципы, с которыми говорящий вынужден считаться, хотя, будучи осознаны, они в применении к конкретной ситуации могут показаться ему странными” (Санников, 1989: 160). Данные принципы были описаны исследователем в виде суждений. Ниже приводятся общие обозначения этих принципов:

1) принцип статичности (“Мир, окружающий человека, устойчив к изменениям”);

2) принцип последовательности (“Если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении”);

3) принцип правдивости (“Нормально, когда утверждения оказываются правдой”);

4) принцип исполнения (“Нормально, когда побуждения осуществляются”);

5) принципы приятия / неприятия (“Обычно, если человеку приятно, он желает это воспринимать”, “Обычно, если человеку неприятно, он не желает это воспринимать”);

6) принцип гармоничности (“Нормально, когда признаки того или иного предмета или явления относятся к одному полюсу (оба - к положительному или оба – к отрицательному”, ср. *Она красивая и умная, Она некрасивая и глупая*. Ненормально (и выражается союзом *но*) сочетание противоположных полюсов, ср. *Она красивая, но глупая; она некрасивая, но умная*»).

Как справедливо замечает исследователь Е.В. Урысон (Урысон, 2002б), в высказываниях с союзом *хотя* могут выражаться абстрактные пресуппозиции, соотносимые с выделенными принципами, причем данный союз маркирует их нарушение, которое, на наш взгляд, вводит в коммуникацию такой параметр категории **инакости**, как *нормативность – ненормативность*, что свидетельствует об актуализации дополнительных семантических пресуппозиций, правильная интерпретация которых необходима для адекватного понимания высказывания.

Синтаксические конструкции с союзом *хотя* легко трансформируются в высказывания с союзом *но*. Такое зеркальное актантное переструктурирование высказывания не лишает его имплицитного смысла *иной*. Можно предположить, что союзы *хотя* и *но* обозначают нарушение одних и тех же “жизненных закономерностей”.

Союз *хотя* также может выражать идею несоответствия ожиданию, которая каузально связана с указанным выше параметром категории **инакости** *нормативность-ненормативность*. Это также справедливо в отношении союза *но*, значения которого объединены идеей “обманутого ожидания” (Урысон, www). “Обманутое ожидание” является частью общих представлений о мире, фрагментом некоей “обиходной энциклопедии”. Это обусловлено тем, что одна и та же пропозиция может вводить разные ожидания, при этом семантический актант, денотатирующий “нарушение какого-либо нормального порядка вещей” и индуцирующий смысл “*иного уклада, измененного порядка вещей*”, обнаруживается только при обращении к области понимания и интерпретации текста.

Категория **инакости** проявляет себя благодаря особенности устройства человеческого сознания. Мы согласны с исследователем Е. В. Урысон, что сознание человека инерционно: “... фиксируя нечто вне субъекта или в самом субъекте, сознание, очевидно, фиксирует и все изменения «текущего положения дел». Однако зафиксировав в сознании ситуацию Р, субъект может в каком-то смысле привыкнуть к ней, «настроиться» на данное положение дел, и тогда прекращение этой ситуации или начало другой ситуации заставляет сознание «переключиться»” (Урысон, www). Это неожиданное для самого субъекта “переключение сознания”, приведение его в динамику, отражает инакость, изменчивость окружающей действительности и обозначается союзом *но* и союзом *хотя* в его противительном значении. Следующий пример, на наш взгляд, иллюстрирует неожиданность поворота в восприятии окружающей действительности:

Пример 12: *Это был новый пассажир, который ни для кого из нас незаметно присел с Коневца. Он до сих пор молчал, и на него никто не обращал никакого внимания, но теперь все на него оглянулись, и, вероятно, все подивились, как он мог до сих пор оставаться незамеченным. Это был человек огромного роста, с смуглым открытым лицом и густыми волнистыми волосами свинцового цвета: так странно отливала его проседь. Он был одет в послушничьем подряснике с широким монастырским ремненным поясом и в высоком черном суконном колпачке (Н. Лесков. Очарованный странник).*

Союз *а* тоже маркирует переключение сознания, но это переключение касается объекта, помещаемого в фокус (Урысон, 2002а). Указывая на 1) смену темы (то есть то, о чем сообщается; тема здесь – компонент актуального членения, противопоставленный реме); ср. *Зимой холодно, а летом тепло; Папа на работе, а мама ушла в магазин* и 2) поворот повествования, ср. *Мы ехали в Новосибирск, а зима в том году была очень холодная*, данный союз категоризует такой аспект **инакости**, как сосуществование разнородных, иномерных явлений, что может быть обозначено параметром *единство - множественность*:

Пример 13: *А не знаю, право, как вам на это что доложить? Не следует, говорят, будто бы за них бога просить, потому что они*

самоуправцы, а впрочем, может быть, иные, сего не понимая, и о них молятся (Н. Лесков. *Очарованный странник*).

В примере 13 имеет место рассуждение по поводу возможности оправдания самоубийства. Вначале выражается устойчивое мнение о том, что о самоубийцах даже молится нельзя, но далее следует утверждение, противоположное общему мнению, при этом противопоставленность усиливается с помощью сочетания союза *а* с лексемой *впрочем*, входящей в концептуальный каркас категории **инакости** как одно из ее средств актуализации.

Как показало проведенное исследование, категория **инакости** как категория преимущественно имплицитная достаточно широко представлена в системе русскоязычных синтаксических конструкций с союзами *а*, *но*, *хотя* (в противительном значении), *или*, *то*, *а то*, *а не то*. Однако данная категория не имеет в современном русском языке выделенный грамматический статус, а является периферийной. Кроме этого, наблюдаемые языковые тенденции указывают на редуцирование грамматических форм объективации **инакости**, что приводит к “семантической спаенности” исследуемой категории с другими грамматическими категориями (например, модальность, противительность) и, следовательно, способности выступать в “склеенном” компрессированном виде с другими языковыми элементами, выражающими ее не явно, а косвенно.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. То, да не то, а сам не знаю что // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. статей в честь Е.В. Падучевой. - М.: Языки славянских культур, 2008. С. 71 – 87.
2. Кислякова Е. Ю. Параметры коммуникативной категории *инакости* // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012а. - С. 185 – 191.
3. Кислякова Е.Ю. Синтаксические способы выражения коммуникативной категории *инакости* в русском языке // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки, 2012б. - № 3 (23). - С. 90 – 97.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985. 272 с.
5. Рагозина И. Ф. Контрфактическое объяснение в ирреально-условном предложении (на материале русского и французского языков) // Вопросы языкознания, 2010. - № 1. - С. 46 – 60.
6. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. - М.: Наука, 1989. - 266 с.

7. Толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 15.07.2015).

8. Урысон Е. В. Составные союзы *а то* и *а не то*: возможности семантического композиционного анализа // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 61–73.

9. Урысон Е.В. Союз *А* как сигнал поворота повествования // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. - М.: Индрик, 2002а.- С. 348 – 357.

10. Урысон Е.В. Союз *но*, или что такое «обманутое ожидание» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005.htm> (дата обращения: 22.05.2015).

11. Урысон Е.В. Союз *ХОТЯ* сквозь призму семантических примитивов // Вопросы языкознания, 2002б. - № 6. - С. 35 – 54.

12. Шаманова М.В. Коммуникативная категория и коммуникативный концепт // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки», 2008. - № 10. - С. 15 – 18.

13. Шичанина Ю.В. Иномерность; Человек Одномерный, Многомерный, Иномерный; Парадоксы Антропологической меры: иномерность // Философские науки, 2011. - № 3. - С. 142 – 146.

(0,6 п.л.)